
Даша Садчикова
Моя учительница
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Даша Садчикова

Моя учительница

«Автор»
2026

Садчикова Д. В.

Моя учительница / Д. В. Садчикова — «Автор», 2026

Простые, скучные и такие несчастные дни тянулись один за другим, пока в моей жизни не появилась она. Одним своим появлением она всё изменила. Сможет ли она когда-нибудь узнать все мои тайны? Или, быть может, ей суждено повлиять на мою жизнь сильнее, чем кому-либо другому?

© Садчикова Д. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 6
Глава II 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Даша Садчикова
Моя учительница

Глава I

Она для меня не просто поддержка. Кажется, она пока не понимает, что эта книга будет наполнена множеством вещей о ней, и я могу показаться каким-то странным человеком. Но я не смогу оставить свою глубокую любовь за пределами этой истории. О чем я говорю? Вы поймете позже, когда я погружу вас в сюжет и покажу, что любовь — это не просто слово «люблю!». Это нечто большее, и я буду проявлять это без стыда.

– А ну, иди сюда. – Теплая ладонь легла мне на спину, когда мне пришлось было оторваться с своего места, слегка зевая сонно и прижимаясь ближе к человеку, когда она поставила меня перед собой, едва ладонью касаясь моей щеки, опуская её вниз. – Давно ли ты стала следить за мной?

– Следить? Я ж вроде ничего не сделала. – Я отвела свой взгляд, слегка топчась на одном месте, не понимая, за что на меня идёт выговор.

– Ладно, возможно, я переборщила...

– Это была шутка, мне послышалось, как вы сказали это с шуткой. – Я подавила свою улыбку, заламывая пальцы за спиной.

Марина Юрьевна засмеялась, пальцами прижимая меня ближе, обнимая крепко.

Такие встречи были редкими. Я никогда не позволяла себе отнимать её время, но и не смогла здраво знать, злиться ли она или нет. Она, когда всегда видела меня, старалась подозвать ближе, посадить рядом, даже если это был урок. Я не была против быть только рядом, а после уходить от неё радостной, зная, что мне досталось её драгоценное время, хоть я даже его и не отнимала слишком сильно.

На улице уже во всю в свои права вступил май, солнце ярко светило на улицы, освящая людям окна, которые они открывали, чтобы впустить в дома свежий воздух и проветрить квартиры. Небо было чистым, облаков было немного, которые проплывали так медленно и вяло, что, казалось, время замедлялось вовсе.

Гулять со своим любимым псом Яриком стало куда проще, днём уже не так сильно темнело, как, к примеру, осенью и зимой. Он же был рад мне, всегда вилял своим рыжим хвостом или гавкал, радостно убегая на улицу.

Он разделял мою любовь к гулянию, поэтому не возражал, когда я брала его или мы уходили гулять на целый час или даже больше, только подальше от всех забот и жизни.

Он был стар, но всё ещё бегал и защищал меня, скаля свои острые зубы на чужаков, что пожелали бы подойти ко мне ближе или погладить его. Я гуляла с ним даже больной или уставшей, совсем не заботясь о своем здоровье, но только чтобы он был рад и, прибегая домой, устало бы ложился в свою кроватку. Он вырос со мной, как сторожевой пёс.

Мама рассказывала пару раз, что в детстве еле как вырвала его из клыков большой собаки, спасая, и после чего он стал злее на всех и будто ненавидел весь мир и презирал его. Я же ничего не отвечала на такие рассказы. Чем-то он был похож на меня. Я тоже ненавидела почти всех, кто ко мне прикасался или заводил разговор, я презирала также каждого, кто осмеливался что-то сказать в мою сторону или оскорбить мою любовь к чему-то.

В последнее время я стала больше проводить времени над разработкой новых книг. Сюжеты не очень шли в голову, а родители лишь мешали мне, не давая сосредоточиться.

Если завести разговор про родителей, то их я тоже ненавидела. Ненависть была оправдана, пусть мне пару раз и говорили, что их незачем ненавидеть.

Отца у меня не было. Он был наркоманом, что давно скололся, употребляя и вовсе продавая всё из семьи. Мать тогда долго с ним сражалась, даже не представляла, что делать, видя своими глазами, как её квартира просто пустеет, а он продаёт всё, что возможно и нельзя.

Я же росла, не понимая этого, либо младенцем ещё ничего толком нельзя было сообразить. Я лишь в десять лет узнала о том, что мой настоящий отец продавал и употреблял, а также чуть не убил меня один раз, накормив порошком, а после таблетками.

Конечно, в семье после него появился другой мужчина, но я не назвала его отчимом, как бы это было приятно для других семей. Я просто звала его отцом, но не ему в лицо, в его лицо я его звала лишь «дядя Серёжа», не более того, потому что я не считала нужным называть его чем-то родным.

Он же тоже потрепал мне много нервов в детстве, что, кажется, порой, вспоминая весь этот ужас, я задумываюсь, как осталась ещё жива.

Мать я ненавижу по своим причинам. Она никогда не говорила мне что-то ласковое или, как подобает для матерей, не давала какой-то хорошей защиты. Все мои таланты были опущены, а на самое главное она ставила, чтобы я хоть раз в жизни в четверти получила хотя бы по алгебре четыре. Для неё на первом месте была учёба. Для меня — творчество.

Я с шести лет сама уже управляла ножами, сама готовила себе еду, пока она была на работе допоздна. Я всегда училась самостоятельности, потому что не любила просить помощи у старших.

Я умею, кажется, почти всё, что можно было взять в творчестве. Я научилась делать фигурки из бумаги, которые выставляла на полки и любовалась своим творчеством, пока родители называли это «трата времени». В пятом классе я погрузилась ближе в литературу и начала писать книги, в которых закладывала весь тот ужас, что испытывала в своей жизни.

Кровь, насилие, издевательства. Всё это я описывала спокойно. Для моих лет это было очень страшно и как-то странно, что ребёнок пишет такое. Но так я лишь выражала свою жизнь. Я превращала книги из простых романтик, которых писала мне подруга, в ужасы, которые, кажется, никто бы не осилил прочитать.

Я ненавижу то время, когда я не спала ночами напролет. Мои все тетради были исписаны книгой, а родители лишь насмехались, пожимая плечами и говоря, что это всё бестолку.

Я научилась даже рисовать, тоже чем любила заниматься в свободное для себя время, чтобы скоротать его. Но рисунки я никому не показывала, потому что не видела смысла и мне было бы стыдно их показывать кому-то.

Всё, чем бы я ни занялась, мои родители осмеивали и говорили, что это просто бред и я лишь сама себе трачу время.

Но когда я сама же опубликовала книгу, а после получила её в руки за свои же деньги, родители не очень обрадовались этому, лишь мать немного порадовалась, но мне не принесло это облегчение. И я стала его искать в другом месте.

Я сама лично, пересилив себя, пришла к ней. После уроков. Вот так незванно, как простой будто гость. Я всё ещё помню свои дрожащие пальцы и свой сбитый язык, который непонятно что плел, лишь бы получить похвалу.

Я помню. Помню, как она хвалила меня за простые зарисовки книги. Я помню, как она сама же после хвалила меня и другим учителям, преподнося мои простые ничтожные зарисовки во что-то немыслимое, будто это было чем-то лучшим, чем описание одного персонажа в перьях.

Я не ожидала тогда увидеть и учительницу русского языка. Не ожидала настолько сильно, что я не знала, что мне сказать.

Та похвала, отданная мне, лишь дала мне больше сил. Я, кажется, не знаю, что сделала бы за неё, чтобы получить её снова.

Вообразить не могу лишь её красоты, которую мне даруется видеть. Её глаза. Эти белые локоны волос, которые она постоянно поправляет или заправляет за ухо. Её один силуэт лишь будоражит меня, и я не могу оторвать от неё своего взгляда, который, кажется, ни на одном человеке так не задержится долго.

Её голос. Он настолько прекрасный, что просто сидя на скучном уроке я могу вспомнить его. Простые вопросы во время урока адресованы мне, чтобы я ответила что-то на английском. Простые взгляды, которые...

– Марина Юрьевна, а вы будете проверять наше домашнее задание?

Из мыслей меня резко вырвал голос одноклассника, когда я проморгалась, поняв, что задумалась слишком резко для самой себя. Подняв взгляд, я посмотрела только на доску. Силы бы воли не хватило взглянуть на неё.

– Нет, не буду проверять, у вас и так достаточно оценок. – Она отложила учебник в сторону, снова опуская взгляд на телефон, и только тогда я подняла свой взор на неё.

Мне всегда нравилось, как она обращается именно к ученикам. Мне всегда нравилось, когда она так могла пошутить во время урока или рассказать что-то о себе, чтобы разбавить интерес.

Но я ненавидела тех, кто позволял прерывать её урок. Я всегда бросала взгляды на своих одноклассников, которые позволяли это себе. Почему их не распределят во вторую группу? Там такие же оторвы безмозглые сидят, компанию им составят хотя бы.

Я всегда, казалось, думала о том, чтобы убрать почти всю группу во вторую, оставляя лишь меня и двух одноклассниц, которые не были слишком шумны. Возможно бы это показалось, что я хочу лишь на себе ощущать её внимание, то это не кажется.

Мне его в принципе не хватало. Но я была слишком стеснительна, чтобы позволить себе просто так подойти и начать разговор. Я никогда бы не подумала, что я сама, сама же подойду и что-то спрошу или попрошу разговора. Ну да, семиклассник, который молча думает о своем, а в итоге молчит, классика для таких.

Я опустила свои глаза на тетрадь, пролистав её на конец. Я почти уже года два на уроках английского писала какие-то маленькие зарисовки книг, зарисовки персонажей. И сейчас мои пальцы коснулись страниц, на которых черной ручкой были написан маленький сюжетный переворот между моими двумя любимыми персонажами. Пегги и Юн Мико.

Я вовсе была рада добавить их в свою книгу, и когда я продумывала третий том, то мне показалось лучшим будет добавить больше арки с ними, потому что мне нравились их характеры. Я всегда задавалась вопросом, смотрел ли кто-то ещё конец моей тетради? Но я не боялась писать там что-то своё, поэтому казалось, я играю с огнем. Но все тетради, начиная с пятого класса, у меня сохранились только по английскому. Потому что я уважаю только предмет английского, как и саму его владыку, которая ведёт его у нас.

Марина Юрьевна. Именно тот человек, который меня зацепил, кажись, с третьего класса и не отпускал. Я лишь молчаливо смотрела на неё, слушала, всегда все впитывала и молчала на её уроках, лишь бы послушать только её голос. Она была для меня чем-то... Чем-то слишком хрупким. Я всегда продумывала каждое слово, которое бы хотела сказать ей, подойдя для вопроса, потому что не всегда бы хотела огорчать её.

К седьмому классу моя привязанность к ней лишь росла. Для меня было осознано понимать, что невозможно так резко и глупо привязаться к кому-то, просто сидя на её уроках. Но для меня она выражала как материнское плечо и не более того, конечно, как думала я.

Моя подруга шутила пару раз в нашем чате: «Тебе дьявол просто дал выбор: отдать душу или влюбиться в женщин, что годятся в матери».

Я не давала дьяволу вроде ответа, но он выбрал за меня. Сначала я не заметила, как ближе к пятому классу я начала ненавидеть мужское внимание. Я влюбилась в женского персонажа игры, которая для меня казалась чем-то превосходным.

Всегда слыша слова матери о том, что я обязана выйти замуж и родить ей внука или внучку, я кусаю язык. Меня ничего не связывает с этим, поэтому я отвратно относилась к этому. Поэтому я погрузилась в свои книги с головой, но я делала в них всё, что возможно, возглавляя только силу женщин.

В этих книгах я строго-настрого вычёркивала любой мужской пол, который был бы у меня главным героем. Все женские героини были по-своему сильны и не нуждались в мужском плече. Особенно я стала ближе оглядывать своего персонажа, которого она тогда похвалила.

Женщина в перьях... Конечно, я ненавидела этого персонажа и ставила его в отрицательном ключе, ведь в сюжетах она всегда давила на Альсину, а также думала о своей лишь дочери, но после того, как она восхвалила этого персонажа, сказав, что я прекрасно описываю его... Я полюбила персонажа и даже пару думала над тем, чтобы переписать его в хорошую сторону.

Марина Юрьевна для других детей покажется простым учителем английского, но не для меня.

В один из учебных дней, поняв, что ошиблась с расписанием, я решила скоротать время на чердаке нашей школы, но когда моя нога занеслась над последующей ступеньки наверх, я замерла, поняв, что кто-то смотрит мне прямо в спину. Я испугалась, что это наша учительница русского, Ольга Евгеньевна, небось застукала меня и сейчас отчитает за это, но взгляд мне казался не был строгим.

– И куда мы?

– А?! – я обернулась, поняв, что это была Марина Юрьевна, которая вышла из своего кабинета, заметив, что я единственная, кто побеспокоил тишину коридора, пока у всех шли уроки. – А, так я оставила вещи на чердаке ещё на перемене, вот решила забрать.

– Разве? На перемене я тебя тут не видела. – Она сомнительно оглядела меня, заметив, что вещей со мной и правда не было.

– Ну... Я их оставила ещё на той перемене.

– А как ты тогда училась без учебников? – она немного сделала шаги вперёд, и стук её каблуков ударил мне по вискам, от чего я отвела свой взгляд в сторону, делая вид, что мне интересна стена.

– Ну... – я вздохнула наконец, сдаваясь под её взглядом. – Я пришла просто раньше нужного, у нас всего сегодня три урока, а я пришла чуть ли не к первому, хотя они у нас пятым.

– Ну, понятно, тогда пошли за мной. – Она развернулась, и я подняла свою голову, опасаясь, что она отведет меня к директору.

Для меня слово «директор» значило что-то смешное. Мне кажется, у нас вовсе не было такого, либо я не замечала, чтобы отводили к директрисе или угрожали отвести к ней. Успев схватить свою сумку с учебниками с чердака, я спустилась быстро с ступеней, поспевая за ней, когда она завела меня внутрь своего класса, подталкивая сесть на последнюю парту, где не было занято.

Я осмотрела маленьких детей, что подняли на меня головы, рассматривая. Точно класс второй сидел, но спрашивать я не стала. Пройдя на последнюю парту, я опустилась молча, отводя свои глаза хоть куда-нибудь, но не на неё.

– Так, продолжаем нашу тему урока, я надеюсь, вы уже всё записали, и мы можем идти дальше.

Я повернула голову к доске, заметив, что они изучали только буквы, и, опустив голову на парту, я стала разглядывать пол. Мне хотелось достать какой-нибудь листочек и почеркать там какой-нибудь сюжет, но я просто не двигалась, боясь даже нарушить эту идиллию. Её голос был спокойный и настолько бархатный, что я чуть не уснула, услышав звонок на перемену, и думала, что также незаметно проскользну с детьми из её класса, но, к сожалению, так не вышло.

– А куда это ты? – поинтересовалась Марина Юрьевна, нанося себе крем на руку, растирая его.

– А, так я это... – я повернула голову к ней, останавливаясь. – Пойду что ли, подожду остальные уроки в коридоре.

– Нет уж, оставайся на своем месте, пока твои уроки не начнутся. Или хочешь бед потом и криков от других учителей, которые тебя как оборванку увидят, сидящую на скамейках?

Спорить с ней я не могла, либо всегда считала её слово законом, и, медленно отойдя обратно к последней парте, опустилась на стул, не сводя с неё взгляда, как и она своего, будто держала на мушке.

После второклассников пришли пятиклассники, и, вздохнув, я поняла, что у них будет тоже неинтересная тема, и почти весь урок я пролежала на парте, думая что-то о своем, когда в конце урока не ощутила руку на плече и как меня немного дёрнули, приподняв свою голову, я сначала взглянула на Марину Юрьевну, которая двинула голову к двери, где стояла уже моя классная руководительница.

По одному лишь испепеляющему взгляду классной я поняла, что, кажись, разговор будет долгим. Но спорить опять же не могла и, взяв свою сумку, едва не улыбнулась от теплой руки Марины Юрьевны на своем плече, и, когда я вышла из её кабинета, коснулась едва пальцами своей рубашки, где было ее касание. Казалось, я не буду стирать эту вещь, пока на ней будет ее запах...

– И ты мне объяснишь, что ты делаешь тут?

– Ну, я расписание перепутала.

– Как можно было перепутать расписание? Оно у вас везде почти одинаково, как можно? Ты мне скажи? – Светлана Анатольевна лишь взмахнула руками, качая головой.

– Ну... Одинаково же, а по понедельникам мы всегда к первому приходим. – Пошутила я, успев слегка наклониться назад, чтобы не получить по шее.

Остальное время я коротала только в кабинете классной, пока уже не пришли и остальные из моего класса. У нас было всего три урока, и я была рада, что мы окончим даже раньше, чем нужно было, либо после школы мне стоило идти в больницу, чтобы подать документы на обследование.

Да, мне как золотой билет выдался шанс поработать на заводе матери, в который пускали детей только от четырнадцати лет, и подзаработать денег я была не против. В любом случае деньги всегда бы пригодились мне, либо я копила на новый ноутбук, ведь мой старый уже еле как тянул какие-то игры от нехватки гигабайт. Сколько бы я не разбиралась в том, чтобы почистить его, то ничего не получалось, поэтому я приняла решение копить деньги.

Эти три урока я почти не была зациклена на учебе. Да и оставалось всего последняя неделя до летних каникул, которых я, казалось, ждала как последний выживший. Последним была биология, и просидев её еле как от скуки, я собралась, спускаясь вниз, и, прождав, когда мой класс заберёт свои куртки, я забрала свою, сменив обувь и накидывая её поверх своей белой рубашки.

Выйдя из школы, я достала из кармана джинс свои наушники, чтобы одеть их и пойти спокойно до дому, где был неподалеку, но я остановилась, услышав окрик своего имени. Сначала я подумала, что это кто-то зовёт мою одноклассницу с таким же именем, но голос бы не походил ни на одну из моих одноклассников, и, повернув голову ради интереса, я поняла, что это было адресовано именно мне. Марина Юрьевна подошла ко мне медленно, останавливая от действия надевания наушников, от чего моя рука медленно опустилась назад, закрывая корпус наушников и убирая их в карман.

– Да? Что-то случилось? Мне казалось... У вас больше уроков.

– Все уроки укоротили из-за выпускного. Я хотела спросить у тебя. Не держишь ли ты на меня зло на то, что я почти что сама лично сдала тебя Светлане Анатольевне?

– А... – я замерла, не зная, что и ответить. Я пыталась подобрать хоть пару слов, ведь это было очень неожиданно для меня. – Конечно не держу, вы правильно сделали, что сказали моей классной, что я скитаюсь так.

– Точно? Мне показалось, ты была немного огорчена этим.

– Совсем нет, не подумайте, что сделали что-то плохое, я не держу зла.

Она улыбнулась мне, кивая и прощаясь, уходя ближе к своей машине, и я отошла от школы, не отрывая взгляда от неё. Отвернув голову в сторону, я наконец зашагала, приходя в себя и ощущая, что ноги перестали быть ватными. Весь этот день для меня был каким-то... Слишком насыщенным, как мне казалось.

Домой идти не хотелось, зная, что там ждёт отец, который обязан был повести меня в больницу, но мне все же удалось пересилить себя, и, ускорив шаг, я подошла к дому, открывая подъездную дверь ключом и заходя внутрь, медленно перебирая своими ногами, поднимаясь по парам ступенькам, подходя к двери, открывая и её, наконец входя в квартиру. Мой пёс Ярик, учуяв, что я вернулась, выглянул ко мне, замахав своим хвостом радостно.

Да, он почти всю свою жизнь сидел на цепи на кухне, потому что мы опасались, что он может сгрызть что-то или же нагадить в комнате, поэтому мать специально купила цепочку, а ошейник у него и вовсе был старый уже, наверное, его сменили ему в два года, так он и был с ним.

– Наконец, а то не дождешься. – Буркнул отец, фыркая в мою сторону, будто недоволен чем-то, когда я разделась, чтобы сменить одежду с рубашки на футболку.

Накинув футболку, я слегка скрипнула своими зубами, бросая сумку на кровать. Все вещи были мне велики на несколько размеров не потому, что так было выгодно покупать на вырост, а потому что я сама питала страсть носить все на несколько размеров больше моего.

Ещё во втором классе надо мной все в классе насмехались, называя жирной и огромной, от чего у меня появился свой собственный комплекс к телу, а я сама же перестала носить что-то обтягивающее. Комплекс был больше к моим ногам, поэтому джинсы я всегда брала больше, насколько могла.

Я садилась на жестокие диеты, не ела сладкое месяцами, питалась водой, но это ничего не помогало. Когда я наплевала на мнение людей, перестала сдерживать себя и, по сути, ела все, что хотела и могла. Конечно, комплекс остался и до сих пор как огромная рана на груди, ведь родители и в школе ещё позволяли оскорбить меня по поводу веса. Я ненавидела в своем классе одноклассника Ярика, который позволял себе оскорблять всех и называть «жирной», но ему попросту нельзя было ответить! Либо что бы ни проскальзывало ему в ответ, обязательно слышали учителя и кричали именно на тебя.

Раздражало то, как учителя опускали глаза и закрывали уши, будто не слушая, как он позволяет себе оскорбить достоинство человека и его тело. Им было, кажется, вообще наплевать на это, либо он постоянно пользовался этим словом, обращаясь ко всем. Я ненавидела свой класс, что сводил меня с ним, а когда я пыталась вставить свое слово, сводя их с кем-то, они сразу обижались и обзывали. Тонкое эго.

Я ненавидела своих одноклассников, когда мы перешли во второй класс. Именно с этого класса на мне встало будто клеймо. Обзывательства и все что угодно было на мне. Меня обзывали просто так, и я не могла ответить, потому что не умела и боялась. Когда к нам перевели какого-то новенького мальчика, я думала, что смогу поладить с ним, но он связался со всем классом, став против меня. Я помню те удары его ногами по своим ногам или же когда он ткнул мне прямо в висок палкой лыжной. Та самая острая часть, которая после отозвалась адской болью. Ещё бы немного, и он проткнул мне глаз, но мне просто повезло.

Из моего класса никто не избивал меня, кроме него. Меня лишь словесно оскорбляли и ненавидели все. Да и я сама не связывала с ними хоть слово, но очень было обидно, что в старших классах они стали оставлять на мне клеймо.

Из плохих привычек своего настоящего отца я приняла лишь воровство. Этим занималась я на протяжении 4 классов, пока в один из дней мать, поняв, что угрозы и удары по рукам не помогают, заключила со мной контракт о том, что будет давать мне денег, а я перестану это делать. Это помогло, а мои деньги лишь копились.

Но мне становилось удушливо и жутко, когда на мне оставлял мой же класс клеймо, всегда оборачиваясь ко мне и говоря, что я же воровала, так значит я и взяла что-то снова. В старших классах я даже пару раз имела проблемы с этим, пока меня шмонали, я просто стояла рядом с победой в глазах, видя, как мой же класс унывает, понимая, что не смогли подставить меня снова.

– Местные шлюхи, я их не назову по-другому. – В один из вечеров майского вечера я стояла у магазина, пока рядом со мной стояла подруга, смотря куда-то в сторону.

– Фу, как можно курить в свои тринадцать, я бы вырвала себе лёгкие.

– Я тоже не понимаю. Когда нам перевели этот бездарный класс, так и весь мой стал курить. Я так хочу рассказать учителям об этом, язык чешется. Я ощущаю, как задыхаюсь на переменах, пока эти твари позволяют себе курить эти приблуды рядом со мной.

– Фу! Что прямо так всё плохо?! – её голова дёрнулась ко мне, а она сморщилась, будто это я сейчас прямо рядом с ней курила, пуская табак ей в лицо.

– Ага, я один раз рассказала учительнице физики о том, что они курили на её уроке, но не знаю, что было дальше.

Я обожала ощущать себя тварью и лицемерной. Я обожала палить каждую сволочь этого класса учителям. Списывают — я записывала каждого на листок и после уроков оставляла на учительском столе. Курят — я также делала. Я обожала это, пусть и делала это гадко. Я хотела сделать всё, чтобы им жизнь показалась не такой уж и сладкой, какую они описывают.

– Слушай, не удивлюсь, если они ещё и этого. – Моя подруга слегка покашляла, дав мне понять, о чём она.

– Я не удивлюсь. У одной из класса вон парней хоть пересчитать по пальцам не сумеешь. Противно от них становится, когда я вхожу в класс.

– Я перевестись не думала? Лучший вариант, чем терпеть это всё.

– Не буду я. – Я засмеялась, убирая руки в карманы своей куртки. – Куда же я уйду? Когда меня держат.

– Держат? – она повернула голову ко мне, подняв брови в удивлении. – О чём это ты?

– Поздно уже, я пойду. – Я развернулась, начав идти к своему дому, пряча свое лицо в воротнике куртки, сдерживая свою улыбку. Лишь глаза сияли ярко.

Меня и правда сдерживала лишь она. Я думала уйти со школы, уйти на домашнее обучение, потому что уставала от этих оскорблений на себя. Но лишь она сдерживала меня от этих идей. Марина Юрьевна, она хоть и не была близка ко мне, но из-за нее мне и хотелось ходить в школу. Сидеть уроки и каждый раз дёргаться, как нервная, ожидая, когда наступит её урок.

Я ненавидела свои привычки, которые мне достались с детства. Кусание губы до крови. Дёрганье ногой так яростно, что мне кажется, тряслось всё, что угодно. Кусание кожи рядом с ногтями рук. Я ненавидела это в себе, но и спрятать это от себя я не могла.

Мои родители не предпочитали видеть этого или вовсе не хотели. Лишь сводили на то, что мне пора уже в психушку, но я не отвечала им на эти слова. Я лишь рада стала, что перестала делать уроки под взглядом матери, который мне кажется, при малейшей ошибке разрывал листы бумаги. Я ненавидела это время, когда приходилось делать всё под её взором и получать крики. Особенно когда она была недовольна в некоторые дни, то делать уроки становилось невыносимым.

Я даже не старалась что-то сделать под её взором. Я постоянно косячила в черновике и старалась всё делать слишком медленно и муторно, особенно если дело доходило до математики. Этот предмет для меня сам по себе был плохим, если я вспомню свое детство и то, как с класса второго меня стали бить ремнем за её решение простых задач.

Математика играла для меня плохую шутку, отчего я старалась увиливать от этого предмета. Я врала, что по нему ничего не было задано, а сама же ночью делала уроки и старалась выучить тему в тишине. Да, только ночью мне приходила тишина, когда родители засыпали,

переставая давить на меня или что-то требовать в помощи, в которой они и не нуждались даже, но всегда мешали мне по любому поводу, будто специально.

Я всегда уходила в песни. Наушники для меня были спасением. Я всегда надевала их и старалась отвлечься от всего, что происходило рядом со мной. Конечно, погружаться в музыку я могла только ночью, когда мне опять же никто не мешал, так как днём были ещё те проблемы для такого.

От песен у меня также появлялись сюжеты для моих книг. Но по большей части я отрезала половину сюжета, чтобы он казался куда интригующе.

Но когда наконец нам отдали дневники, сказав лишь одно: «Настали каникулы», я выдохнула, радуясь. Конечно, без троек в четверти не обошлось, но я была и рада, что хотя бы не двойки, и всегда задавалась вопросом, почему именно тех детей у нас в классе, которые вовсе не собираются учиться, не убирают на второй год? Я так бы была счастлива, если бы убрали почти половину таких детей, и правда, они разве что шумят, оскорбляют, а сами же даже ничего не напишут.

В этом ключе стоит моя одноклассница Виталина, из-за которой наш класс и наша репутация была испорчена в грязь. Её оскорбления, её никому не нужные выговоры про учителей, после которых мы все получаем. Когда меня посадили с ней с седьмого класса, я ощущала, что сижу не с человеком, а с монстром.

– Тебе ли не надоедает оскорблять учителей? Буквально твоя дорога в никуда. – В один из разов спросила я у неё на скучном уроке.

– И что? Они же это потом забывают и относятся ко мне хорошо.

– Тебе это не всегда будут преподносить на блюдце, у всех свои рамки дозволенного имеются.

– И что? Плевала я на этих училок, особенно на вашу училку английского. Блять, объясняет так тупо, я не понимаю даже, что она говорит, вот наша, она куда лучше. И пошутит, и урок проведет.

Казалось, мои зубы превратятся в мелкую крошку от того, как я их сжимала, что даже мои жевалки напряглись слишком сильно. Если вспомнить себя на тот случай, я еле сдерживалась, чтобы не сказать на весь класс такое же оскорбление в их сторону учительницы.

Я бы посчитала, тут все наоборот. Их учительница куда более непонятна. Сколько бы наш класс не совмещали именно у неё, я просто сидела в телефоне, так как не понимала ничего. Она позволяла своей же группе шуметь, кричать, а в этом уроке пыталась провести какой-то урок, где даже слов по-английски-то не понятно, а больше всего она обращается к детям, которые в её группе тупее, как доска деревянная.

Я никогда не понимала смысла сравнения двух людей. Я и вовсе не понимала, каким даром таким, как им, доставались совмещенки с моей учительницей английского. В любом случае они хоть и сидели притихшие, но это не меняло факта, что выходя из её кабинета позволяли себе оскорбить её, говоря, что было очень скучно.

Я так была рада в конце четверти снова узнать, что у Виталины кучу двоек, я так была рада узнать это и думала, что, может, уже в седьмом классе дойдет до учителей, что надо оставить её на второй год. Конечно же, она выдвинула мне о том, что мама не оставит её так просто и обязательно даст согласие на перевод в другой класс.

Да такие и в принципе не развиваются, но я ничего не ответила ей.

Когда наступил июнь, я почти не ощутила этого месяца. Врачи, документы. Особенно нервы трепали родители, говоря, что нужно куда быстрее пройти всех врачей, а бабушка не понимала, в чем мой смысл идти работать в таком возрасте, так ещё и на завод. Каждый день для меня была будто пытка. Мне казалось, что в моё тело втыкали что-то огненное, но когда приоткрывала глаза, понимала, что мне это нужно стерпеть ещё немного.

Но когда врачи были окончены, я отказывалась после садиться в машину отца. Я ходила пешком, потому что ненавидела его ещё сильнее за его слова и то, что он снова и снова принижает мои заслуги. Мать же сама ничего ему не говорила, а если бы я начинала с ним ссору или же старалась крикнуть также в ответ ему что-то обидное, она всегда говорила, что из-за того, что я делаю, то и денег получать в дом не будем.

Я его же ненавидела с самого детства, когда он появился в нашем доме. Сначала он сам себя преподнес так грубо. Выпивал, избивал мать, снова бухал, а после также, и всё по кругу. Когда мне было ещё шесть или семь лет, я помню четко, как он постоянно пьяный указывал что-то матери, влезал с ней в драку или же старался сделать что-то плохое.

Но на тот период своих шести или семи лет я жила не одна. У меня была ещё и старшая сестра, которая, поняв, что дело тут кончится очень плохо, просто обокрала мою мать, забрав всё золото, украшения, всё, что возможно было, и убежала из дома. Я всегда раньше думала, что её поступок был очень плохим, особенно я винила себя здесь, когда рассказала маме о том, что я сестре проболталась, где был её кошелек и где она прятала деньги, думая получить лишь слова о том, что я не должна была говорить ей об этом. Я очень свято думала, что сестра мне и правда купит ту вещь, которую я так мечтала давно, но когда она ушла, то не исполнилась моя мечта, а мать, вместо того чтобы спокойно дать мне понять, что не стоило так ей всё говорить, лишь накричала на меня и свалила всю вину на меня.

Поэтому я никогда не говорила вслух, если видела, что что-то происходит или кто-то что-то делает. А ожидание какие-то или подарки для меня также стали простым словом, ведь я не всегда доверяла таким словам от людей, понимая, что они могут обмануть, и в итоге эти обещания останутся в воздухе.

Казалось, становясь подростком, я поняла поступок сестры и понимала, что хочу повторить его тоже. Если вернуться в мое детство вновь, мои родители почти не интересовались мной. Отцу было плевать, а мать была зациклена на моей учебе, которую из-за этого я стала ненавидеть всё больше и больше. Я ненавидела отца за его поступки с моими зверьками. Я помню, как он в своем припадке чуть не убил моего любимого кота, сдавив ему шею так, что казалось, ещё немного, и она хрустнет, как у птенца.

Я помню весь тот ужас, который всплывает в моей голове как чёрное пятно. Из души постоянно вырываются такие гадкие воспоминания, от которых я не могу себя деть.

Ведь у памяти нет срока годности, так ведь?

В воспоминаниях всплывали те дни первого класса, когда он, узнав, что я взяла у него деньги на проезд на работу, разозлился так сильно, что я помню, как бегала по комнате, умоляя перестать, а он только и хватал под локоть, пиная ногой со всей силы мне в спину. Возможно, поэтому сейчас я не могу нагружать себя тяжестью, от чего начнет адски болеть спина и сама же поясница.

Я помню тот случай, когда после продленки в первом классе я пришла вся в крови. Когда нас вывели на улицу, мой одноклассник погнался за мной с плохим намерением, и я упала на асфальт, что был сломан, и мои колени, как и ладони, сбились в кровь. После этого я не могу спокойно стоять на коленях, либо ощущаю такую же адскую боль, но отцу было наплевать, и, увидев меня всю в зелёнке почти, лишь посмеялся, говоря, что так и нужно было.

Я помню свой Новый год, ужасное зрелище. Когда в новогоднюю почти ночь мать готовила на кухне, чтобы успеть до боя курантов, я же сидела рядом со столом, поглядывая в коридор, где был подарок от него. Отец принес пьяным робот-пылесос, сказав, что это подарок для матери, а мне же принес огромный набор конструктора, который я так сильно хотела. Да, свой первый конструктор «Лего» я стала собирать уже в пять лет, а после лишь наборы увеличивались и становились больше. Я с лёгкостью могла собирать наборы 18+, даже не поведя бровью, понимая, что они должны быть для меня сложными, но это было слишком легко.

Мать тогда уже была не в духе, прося меня выключать этого робота, ведь он постоянно залазил в коридор, что ей не нравилось. Конечно, я не могла противиться словам мамы и поднималась, медленно подходя к нему и выключая его. Первый, второй, третий раз, когда я включала, то отец вставал, включая его снова, крича на нас, чтобы мы его не выключали, ведь он хочет видеть, как его подарок прекрасно справляется с уборкой.

На четвертый раз, подойдя снова к пылесосу, чтобы выключить его, я отошла медленно, садясь обратно на стул, обращая свое внимание на руки матери, которыми она наносила соус на хлеб, чтобы после положить в противень и добавить начинки. Отец приподнялся, устав, кажись, включать его, и, взяв в одну руку эту махину, будто она ничего не весила, он швырнул её прямо в мою сторону. Когда я увидела это, я даже не стала прикрываться, будто ожидая, когда я получу это в голову и наконец пойму смысл своей жизни, но инстинкты сохранения сами по себе сработали, и я быстро прикрыла голову руками, наклоняясь, и пылесос влетел в другой край стола рядом с матерью, упав. На противне всё ещё осталась та вмятина на бортике.

Я помню смутно, что было дальше, но я отчётливо помню их ссоры и крики, пока мать с дрожащими руками старалась помочь мне и зеленкой замазать царапину на затылке, что появилась от острой железки. Я помню также, как он выхватил меня из рук матери, вышвыривая в подъезд, закрывая передо мной дверь, оставляя меня в простых колготках и футболке, пока я дрожала от холода.

Мать после вылетела следом, закрывая дверь, и на улице, что позвонила в полицию, когда они приехали, то его забрали, но я не понимала, почему полиция не сделала ничего и отца отпустили слишком рано своего срока.

Я помню, как смотрела в одну точку, сидя на своей кровати, понимая, что весь Новый год был испорчен и вся та радость, которая всегда приходила в этот день, — оно все испарилось. После такого я перестала с радостью наряжать ёлку, или я вовсе не появлялась за столом вместе с ними в бой курантов. А они уже пробили лично для меня несколько лет назад, только вот... Они пробили раньше, когда я смогла это увидеть, стоя на улице.

Что говорить дальше, то это лишь то, что мать дала ему новый шанс, когда он пообещал закодироваться и перестать так много пить, и пообещал найти новую работу. Только я уже не питала страсти к его словам и стала только копить ненависть. Конечно, он и правда всё сделал так, как обещал. Перестал пить, бросил свою старую работу и нашел новую, где ему стали платить больше, но со мной он больше не мог связать даже пару слов, потому что общалась с ним я сквозь зубы.

Свой день рождения я тоже ненавижу. Я каждый раз считаю его не праздником, а простым днём, в котором просто наступает новая дата твоего возраста. С самого детства я видела, как у других детей были прекрасные дни рождения. Свечи, торт, подарки. На моём же — мрачность. Родители не уделяли на мой праздник мне внимания, они даже и не делали мне подарков больших. Простое слово «с днём рождения», а также простой салат и всё. Торт я всегда мечтала со свечками и какой-нибудь интересный, с каким-нибудь моим героем, но мне покупали самый дешёвый, разрезая на куски и кидая мне в тарелку один из них.

Мой день рождения стал для меня просто грязью, и я бы никогда в жизни бы не подумала, что смогу его отпраздновать нормально, воплотив свои мечты в реальность.

Каждый такой праздник ассоциировался у меня только с болью прошлого, которое никуда не уходило, поэтому я никогда старалась не присутствовать на этих праздниках. На День матери я никогда не танцевала со своим классом и не готовила какие-то красивые открытки для мамы. Когда я была ещё в садике, то поняла, что ей вовсе неинтересно то, что я делаю для неё. Она не приходила на эти церемонии, даже просто не брала день на работе, поэтому, когда дети бежали к мамам и дарили подарки, я сидела молча на стульчике, едва сдерживая слезы, а после комкала свою открытку или рисунок, выкидывая его.

Когда заходили разговоры о том, кто что подарит маме на этот праздник, я просто молчала, потому что я не могла ей что-то подарить или это было отвергнуто.

Поэтому, не получая материнства от своей настоящей матери, я будто и правда стала цепляться за других взрослых женщин, которые казались для меня умнее, с которыми бы я хотела связывать слова и находить темы. Я не понимала, как для меня могла стать матерью моя собственная учительница английского, но я ощущала, как сильнее бы хотела и тянулась к ней.

Находясь ещё в седьмом классе, я не знала, как проявлять любовь к таким людям, поэтому я постоянно лишь молча смотрела и впитывала все те привычки, которые проявляла моя любовь.

– Тебе ли не обидно, что лето началось? Мда, уже середина июня, я ещё даже не ощутила этого. – Подруга шла впереди, дёргая ногой, когда мой пёс рычал на неё, отгоняя от меня.

– Чего должно быть обидного? Я и рада, что хотя бы лето, а не каждый день запара с этими уроками. – Я пожала плечами, улыбаясь и поднимая свою голову, смотря ей в затылок.

– Тебе будто бы в радость, мне нет.

– Мне в радость денег заработать в июле, максимум моя радость, а гулять, ну гулять меня не будут отпускать.

Мои родители никогда в жизни не отпускали меня одну гулять, поэтому я не гуляла, потому что мне не было ни с кем почти. Мать не доверяла моей подруге, которую она видела, говоря, что все равно не отпустит погулять, и поэтому я общалась с ней, только если выйду гулять с псом. Я с самого детства почти сидела дома, даже не выходя на улицу, из-за того, что мать боялась, что на каждом углу есть маньяки или насильники, которые убьют, и даже глазом не моргнешь.

Я много раз просилась погулять, хотя бы тогда с ними, на что получала ответ, что все выходные и так заняты, а выделять время на какие-то гулянки они не собирались. На самом деле в выходные они просто спали и ничего не хотели делать. Это расстраивало.

– Что? Опять задумалась? – из мыслей меня вывел голос подруги, которая остановилась, оборачиваясь на меня.

– Да, снова в голову просто пришли мысли о том, что это лето я буду гнить почти дома и опять проседать в интернете вместо того, чтобы гулять. – Ответила я, подав плечами, хоть мой взгляд и наполнился на долю секунды обидой.

– Кхм... – она слегка покашляла, приподнимая свою голову. – Кажись, я отойду тогда в магазин, а вы общайтесь.

– Что? О чем это ты? – я подняла брови, не поняв её слов, и она слегка приподняла руку, и я резко обернулась, ахнув.

Прямо за спиной стояла она. Кажись, из меня вся душа разом вышла, когда я заметила её. Я не понимала, какими судьбами забыла тут Марина Юрьевна, ведь вроде как сколько бы я не гуляла с псом в одну и ту же сторону, не видела её. Подруга будто по щелчку пальцев исчезла, и поэтому я осталась одна, пальцами слегка сжимая поводок сильнее, чтобы Ярик не сорвался и не набросился случайно на неё.

– Интересный пёс, – протянула она, и я невольно опустила голову вниз, когда Ярик, поняв, что угрозы нету от этой женщины, присел на асфальт.

– А... Да, ему уже тринадцать лет почти или четырнадцать.

– Оу, так он уже стар, я думала, ему год.

– В год он выглядел куда ленивее, чем сейчас. – Ответила я в шутку, ощущая на себе её ласковый взгляд и понимая, что я в ловушке, с которой самой не хотелось убегать.

– А я тут проходила просто мимо, заметила знакомый силуэт, не ожидала встретить тебя. – Объяснила она, медленно, будто как хищник, обходя мой бок, останавливая, от чего моя голова повернулась к ней.

– Да я гуляю просто с ним тут почти каждый день, так как мне уже негде.

– Я поняла. – Отрезала Марина Юрьевна, сделав ещё пару шагов прямо, и я уловила запах её прекрасных духов. – Ну, если ты не прочь проводить меня, то я не откажусь от компании.

«Проводить». Что? Мои глаза поднялись к её затылку, когда я замерла. Это было похоже на приглашение на что-то большее, но я не могла отказаться, и мои ноги будто сами пошли, выравнивая с ней шаг и оказывая рядом. Мои глаза опустились на её пальто, но после я отвела его на асфальт, пока пёс шел рядом, даже не глядя на неё. Я же, казалось, не могла оторвать своих глаз, понимая, что каждый раз, когда видела её в каком-то новом наряде или в простой одежде, то это всегда выглядело прекрасно.

– Что насчёт окончания четверти? Извини, хоть и прошла уже середина июня, в любом случае интересно, что у тебя вышло. – Посмеялась она, поворачивая голову ко мне, пока я еле как шла, ощущая, что ноги немеют от одного лишь её прекрасного смеха.

– А? Четверть, да... Снова ничего интересного, я не стараюсь учиться на последний месяц, так как уже становиться просто лень.

– И зря, тебе ли не обидно, когда выходят двойки? Мне кажется, я бы устала исправлять их.

– Я и не исправляла, мне всё само вышло хорошо, и я рада этому, обидно, что снова математика подвела, не люблю этот предмет.

– Я надеюсь, что потом у тебя наладятся оценки по нему. – Марина Юрьевна снова посмеялась, улыбаясь мне, и я улыбнулась ей в ответ, отводя свой взгляд в сторону.

– Я рада, что изо у меня вышло хотя бы четыре.

– Почему же?

– Да... На последние недели учительница, Марина Витальевна, завалила так сильно меня. У меня не хватало одной оценки, чтобы вышла оценка, и она попросила меня нарисовать на свободную тему, ну, я и решила нарисовать что-то вроде своего персонажа, на что она... Можно сказать, высмеяла меня перед старшеклассниками, что сидели в классе.

– Высмеяла? В каком смысле? – Марина Юрьевна остановилась, от чего резко остановилась и я, не ожидав такой резкости.

– Когда я принесла ей рисунок, она мне ответила, что просила нарисовать на другую тему, хотя я отчётливо слышала свободную, поэтому ей не понравилось, и она сказала, что не собирается принимать у меня рисунки, и тот, что я принесла ей рисунок, выглядел не очень хорошо. – Объяснила я как можно понятнее, чтобы не вышло затруднения понятия.

– А, поняла, ну я хоть и не видела этого рисунка, думаю, он у тебя прекрасный.

Я немного покраснела, засмеявшись на этот комплимент, и мы пошли дальше, идя по прямой, пока мой взгляд опускался на стадион, где бегали футболисты.

– И правда интересно? – шутливо спросила Марина Юрьевна, слегка задев пальцами мой локоть, от чего я вздрогнула, поворачиваясь к ней обратно.

– Да, я всегда задумывалась, бегает ли там мой одноклассник, футболист же.

Хоть я и выпалила это, на самом деле мне было неинтересно, кто он и чем себя выставляет на самом деле. Перед учителями он пытался казаться лучше остальных, что даже посмел что-то говорить в мою спину про мои книги. Я не ожидала, что другой мой одноклассник на одном из уроков английского прямо на весь класс спросит о том, можно ли принижать хобби других людей, то, как это сделал мой одноклассник. Я ожидала, что Марина Юрьевна может промолчать об этом или, как другие учителя, не обратить внимание, но она почти пять минут выносила выговор в сторону него, говоря, что он сам же ещё ничего не добился.

Поэтому я стала больше обожать её за то, что она не даёт меня в обиду таким, как мои одноклассники. Конечно, ей я после уроков ничего не сказала, но ощутила на себе взгляд раскаяния о том, что мне пришлось было узнать, что за моей спиной буквально оскорбляют мои книги.

– Навряд ли он там бегает, ему нужны стадионы лучше. – Ответила она, пожимая плечами и снова засмеявшись. – Он же спортсмен, а значит, ему нужно что-то лучшее.

– И правда, он всегда старается выставить себя лучше всех остальных, не понимаю этого. Пытаться получить внимание лишь тем, что он футболист, видимо, как Роналдо хочет стать.

– Ну, Даш, нам не понять.

Я сглотнула, когда услышала свое имя с её уст снова. Не громкий выкрик, не коверканье моего имени, а спокойно, почти ласково, от чего я невольно опустила голову, покраснев. Мне всегда нравилось, когда именно она зовёт меня по имени, от остальных я не воспринимала этого вовсе, либо ощущала, что они говорят моё имя только по делу или если что-то хотят.

– Вы правы, нам не понять. – Ответила я, кивая ей и останавливаясь, когда мой пёс что-то нашел в траве или принюхивался.

Я видела, что на другой стороне шла моя подруга, будто мы были не знакомы, останавливаясь и смотря на нас, быстро идя снова и останавливаясь, заглядывая в свой телефон. Я же, когда мы дошли до угла забора стадиона, Марина Юрьевна остановилась, оборачиваясь ко мне и улыбаясь.

– Ну, дальше я сама, удачи тебе погулять с своим другом. – Она засмеялась, разворачиваясь и начав уходить, пока я не отрывала взгляда от неё.

Мое зрение было не самым лучшим, и когда она отошла подальше, то я уже мутно видела её, но не выпускала из виду, пока она окончательно не исчезла из поля зрения, и меня кто-то ударил по плечу. Повернув голову, я подумала, это опять велосипедисты, которым, казалось, не хватало места проехать. Я не любила лето только из-за них и то, как они гонят, особенно подростки на самокатах, но поняв, что это была подруга, то я выдохнула, прижав свою руку к лицу.

– Ну и как? О чем вы говорили?! Ну же, говори мне! Интересно же! – просила она, пока её глаза сияли. – Ты выглядишь так, будто тебя терзали одним взглядом! Она сказала тебе что-то плохое?! Ну же!

– Меньше знаешь, крепче спать будешь, тебе будто так интересно. – Я ещё раз обернулась, глядя в то место, где она ушла, и повернула голову обратно. – Просто поговорили.

– Ага, просто, просто бы у тебя не были щеки красные, как у помидора.

– Холодно просто.

– Да ну!

– Это правда, я что-то замёрзла уже.

Июнь и правда был плачевным. Дожди и холод ещё не собирались уходить, поэтому даже из дому не хотелось выходить в эту слякоть и грязь, которая была повсюду. Я так уже хотела немного жары, чтобы хоть лето заявило о себе здесь, но эти дожди только портили всю картину, но пройтись под дождем я была не прочь, посмотреть, как тускнеет погода.

– Мне всегда интересно, чем у тебя все кончится, а ты тут молчишь! Мне, может, интересно, о чем вы говорили, я же спрашиваю, потому что хочу услышать ответ. – Бубнила подруга, идя рядом со мной, убрав свои руки в карманы своей куртки.

– Это уже сталкерство какое-то, тебе не кажется? Дай волю, ты будешь вместо меня с ней ходить.

– Неа, у меня своя любовь, заняться мне нечем. – Подруга засмеялась нервно, отводя свои глаза в сторону. – Я за вас переживаю, особенно за тебя, ты же вовсе перестала подпускать к себе кого-то, ну, если ты поняла, в каком я ключе.

– Другие просто недостойны.

– Даже я, что ли?

– Да ну тебя, мы не в отношениях, чтобы ты так мне говорила.

Она лишь фыркнула, отвечая, что хотела бы как лучше. Попрощавшись с ней у подъезда, я зашла домой, как обычно прицепив Ярика на цепочку на кухне, погладив и садясь устало на

стул. Меня даже никто не предупреждал, что все выйдет так резко, да и я не ожидала увидеть Марину Юрьевну в этих краях.

Бабушка сидела в комнате, и я, увидев, что погода изменилась на плохую, решила сегодня никуда не выходить, да и мой пёс бы тоже отказался, ведь один раз я вывела его в начале июня в самый ливень, от чего мне потом пришлось было давать ему немного колбасы, пока никто не видел, чтобы получить прощение за такое.

Но он единственный любил только меня, хоть и выражал свою любовь рычанием и гавканьем. Он подпускал меня к себе и принимал какую-то вкусняшку только от меня. С десяти лет меня стали отпускать с ним одну гулять, и только тогда у меня зародилась страсть гуляния с ним, а он же был и не против. Тогда я стала гулять в разных местах, я не слушала слова матери и заходила куда дальше, чем мне было позволено. Мне не разрешали уходить за железную дорогу дальше куда-то гулять, но я сама уходила, я доходила в разные места, где только можно было и нельзя. Я гуляла одной и той же дорогой, которую полюбила вместе с ним, и всегда мы возвращались уставшие.

Я ненавидела физкультуру, но с псом я постоянно могла бегать или играть.

Физкультуру я не любила по-своему. У каждого ребенка было разное тело и вес, а нагружались все одинаково, и поэтому у меня всегда по этому предмету были и выходили тройки. Да и учительницу я не очень любила по этому предмету. Я замечала, что её шутки были слишком странными, которые не понимала даже я, особенно меня злило то, что ей постоянно что-то не нравилось во мне. Моя роспись простой буквой «Д». Ей что-то не нравилось ещё, а особенно я ненавидела физру только потому, что на этом уроке были постоянно игры с мячом.

Мой класс же, который ненавидит меня, не принимал ни в какие игры, поэтому я сидела только на скамейке и поэтому получала тройки, и учительнице было плевать на этот случай, хотя я всегда просила какое-нибудь занятие для себя, чтобы получить в четверти четверку, а не тройку. Я готова была отжиматься, приседать или ещё что-нибудь, но не играть в мяч со своим классом.

Конечно же, будто также специально мяч швыряли в меня. Когда они отбивали его, то как будто не случайно он летел именно в меня. Я помню один удар, который отозвался мне прямо в челюсть, я думала, что я останусь без зубов уж точно от такого удара, а учительница лишь ответила, что нужно меньше сидеть в телефоне и следить за мячами. За ними нельзя, кажется, было уследить. Каждый летел сам по себе, и уворачиваться был ещё тот ад, а кроме телефона я больше не знала, чем себя занять.

Я не выдерживала почти четыре урока физры в неделю. Постоянные эти ссоры в начале урока, почему нету спортивной формы, хотя я не понимала, чем не устраивали джинсы и простая белая футболка. Я не покупала спортивную одежду, только потому что не видела смысла в ней, ведь у меня и так была одна футболка и джинсы, и этого мне было куда достаточно.

Я вовсе не любила шопиться или иметь кучу одежды. Мне хватало лишь парочку, чтобы было что надеть, а дальше уже меня не волновало, что будет. Летом я особо любила носить все закрытое, пока мать уговаривала меня купить шорты или что-то открытое из обуви, чтобы в такую жару я не умирала в пекле. Я же отказывала от таких затей, потому что из-за моих комплексов я не могла появиться на людях в чем-то вроде шорт с такими ногами или в открытой обуви, что выглядело смешно.

Я любила все закрытое, потому что понимала, что если открываться так сильно, то будет куда хуже.

Глава II

Простая ночь, которая выглядела куда интереснее, чем все другие. Луна светила сегодня очень ярко, было видно очень хорошо.

Я же эту ночь предпочла просто провести в тишине, когда мать предложила мне пойти с ней в магазин, но мои глаза были подняты только на темное небо. Луна светила ярко, куда ярче, чем кажется во все остальные разы.

Да и день сегодня выдался не очень хорошим. Родители снова поссорились, вот так, неожиданно. Обидно, что их ссору я застала и мне пришлось снова услышать их крики и с усталостью вздохнуть, опуская свою голову на стол, пытаясь забыть об этом как страшный сон. За весь июнь они поссорились раз десять точно, зато мирились очень быстро.

В моей семье никогда не звучало слово «извини» или «прости». Всегда все извинения были сделаны действиями. Поэтому я не очень понимала слов извинений, но и не принимала действий в свою сторону. Для меня лучше была тишина и музыка.

– Ты видела, что она публикует? Бред, как такое вообще можно смотреть? Воротит. – Подруга снова встретила меня днём следующего дня, пока я гуляла с псом, и показала мне истории моей одноклассницы.

Ярик вовсе приболел, он не так радостно бегал и гулял, поэтому я старалась не отнимать его время и дать ему больше отдыха, выводя лишь быстро. Вчера он вовсе отказался от еды, и я очень сильно взволновалась по этому поводу, но никому не говорила, кроме матери, которая сказала, что мы отвезем его в больницу.

– Я давно уже бросила её в черный список, чтобы мне не приходили её истории. – Ответила я, наклоняясь, когда Ярик, слегка скуля, присел рядом, сделав свои дела.

– Мда, я всё ещё помню, как ты рассказывала мне, что они налетели на тебя ни за что.

Да, эту историю я думала давно вычеркнуть из своей памяти, но после напоминания я снова вспомнила тот день. Я тогда только в соцсетях увидела своих новых одноклассниц, что снимали какой-то бред, и, мельком оглядев их аккаунт полностью, я забыла об этом как страшный сон, предпочитая забыть. Только вот я, как понимаю, они не забыли. Когда классная руководительница дала понять, что ей скинули какое-то видео, где они висели на канате в спортзале, то все взгляды обратились на меня, а после, когда они узнали, что я смотрела их аккаунты, угрожали меня избить. Конечно, такого не произошло, либо они сбежали, но клеймо от такого осталось, хотя я ничего и не делала в их сторону.

– Не напоминай, ещё тот ад был. Будто сдались мне их видео, но скажу, посмеялась я хорошо. – Засмеявшись, я опустила свою свободную руку в карман куртки, нащупав там телефон.

– Они, кстати, давят на тебя до сих пор или нет? Продолжение истории я так и не узнала.

– Неа, но и слава богу, только раздражает, что постоянно они снимают свои никому не нужные видео в классе. Ты же знаешь, я ненавижу участвовать на каких-то видео или фотографиях.

– Ну, я даже твоих фотографий и в интернете-то не видела.

– Об этом и речь. Выставлять себя и после на посмешище.

Я вовсе не любила себя, чтобы выставлять что-то с собой. Я не любила находиться на фотографиях рядом с классом или вовсе быть на них просто. Я ненавидела, когда на меня кто-то мог направить камеру или снимать, для меня свой комплекс остался с третьего класса, когда меня захотели снять, пока я переодевалась на физкультуру.

– А ну-ка, глянь, ты бы согласилась быть на фотографии с кем-то близким? – шутливо спросила подруга, убирая свой телефон в карман.

– Именно? С семьёй терпеть не могу, да и у нас даже фотографий совместных-то нету, о чем тут говорить.

– Тц, не строй дурочку, я имею в виду не семейное дело.

– С твоими намеками я перестану тебе рассказывать всё.

– Ну что?! Я же в шутку!

– У меня сейчас настроение не для шуток. Не могу понять, что с моим псом, заболел.

– Водили к врачу?

– Я бы сама сводила, но загвоздка в том, что я даже не знаю, что мне и говорить врачам.

– А родители?

– Ну заняты, конечно же, на работах, я не могу смотреть, как он мучается.

Мой взгляд и подруги опустился на моего пса, который сидел рядом со мной, слегка шатаясь и падая на ровном месте, скуля и начав тянуть меня в сторону дома.

– Тогда я пойду, я и так задержалась из-за тебя.

– Ну ладно, если что, пиши мне.

Зайдя домой, он сам же подбежал к своему месту, и я присела на корточки, пристегнув его и предлагая воды или хотя бы еды, что была в миске у него и кошек. Даже одна из кошек, его любимица, поняла, что с ним происходило что-то не так, и всё время проводила рядом с ним, вылизывая и не подпуская ни кота, ни вторую кошку. Вот это я и считала какой-то любовью, всё же она защищала его от других и также находилась рядом.

Ярик не принимал ни еды, ни воды, ворочая носом и рыча на меня слегка, давая понять, что не хочет.

– Ну поешь ты хоть что-нибудь, твою мать. – Я откинула миску обратно, заметив, как у него уже выступали рёбра без еды. – Всё рычишь и рычишь, я же лучше пытаюсь, хоть меня ты послушай.

Ярик, поняв, что его рычание не действует и укус по руке, фыркнул, но выпил немного воды, чтобы дать мне понять, что просто не голоден. Почти весь день я просидела на кухне с ним, пока готовила себе еду, изредка предлагала ему тоже, но он отказывался, отворачиваясь и сворачиваясь клубочком в своей постели.

Из-за занятости делами по поводу книг я не всегда могла уследить за ним, поэтому заменяла меня кошка, сидя рядом с ним и изредка мяукая, оборачиваясь ко мне, и мне приходилось отрываться от книг, чтобы придвинуть воду ближе к псу и также еду, которую я и не убирала.

Вечером, когда мать пришла с работы, я устроила ссору, говоря, что так больше продолжаться не может и я переживаю сильно за него, потому что уже почти третий день он отказывался от еды да и на улице вёл себя очень слабо, даже и пяти минут не проходило, как он просился обратно. Она же вздохнула устало, пообещав, что когда отец будет на выходном, то свозит пса в больницу.

Я ненавидела его вместе с взятой матерью. Потому что всегда слышала от отца слова о том, что этот пёс ему не сдался, а тут, когда уже третий день он сам наблюдал что-то неладное с ним, то будто специально задерживался на работе допоздна, приходил усталым и говорил, что слишком много дел на работе и не может ничего сделать.

Но тут и я стала пропадать из дому. Когда наступил июль, то с первого же числа я ушла работать на завод, поэтому дома меня не было с пяти до часу дня, а когда я приходила домой, видела, что Ярик хоть и слаб, но тявкает слегка радостно, веля своим хвостом при виде меня в коридоре.

– Когда? – вновь поинтересовалась я холодно, упираясь об косяк, глядя на мать, что вздрогнула, сидя на кухне, и повернула голову на меня, слегка сдвигая банку пива в сторону.

– Завтра, вот обязательно завтра мы отвезём его в больницу.

– Меня надоедают эти кормления завтрашним днём, я уже не верю вам. – Сухо отрезала я, опустив опечаленный взгляд на Ярика, в чьих глазах ещё томилась надежда только на меня.

– Правда завтра, у меня тем более отпуск, мы отвезём его, обещаю.

Я ничего не ответила и просто молча ушла из кухни. Но, на удивление, правда на следующий день, когда отец приехал забирать меня, то открыв заднюю дверь, на меня выбежал Ярик, который гавкнул на меня и выглядел так, будто не страдал всю эту неделю от болей. Я засмеялась, поняв, что ему стало легче, и взяв его на руки, села в машину. Руки были в грязи, как и вся одежда, но я не придала этому значения, поглаживая его.

Я была рада только тому, что ему правда стало лучше, и когда мы вышли из машины, он сам же потянул меня ближе к стадиону, где мы гуляли, и мне удалось даже погулять с ним целый час.

– Эх, старик, в ноябре уже четырнадцать будет. – Пробубнила я себе под нос, присев на одно колено, поглаживая его рыжую шерсть, когда он рыкнул на меня, слегка обижаясь от слов. – Да ладно тебе, почти одногодки.

– Вылитые.

– Ах ты... – Я резко обернулась, заметив подругу за спиной, и вздохнула, испугавшись. – А можно так не подкрадываться? Я вообще-то сама уже не молода, чтобы выдерживать такое.

– Да ладно тебе, я гляжу, работа идёт только лучше. – Подруга опустила глаза на мои светлые джинсы, что были испачканы в грязи.

– Да к черту эту садовницу, сука. – Ответила я, фыркая. – Блять, мне самое тяжёлое, а моей напарнице лёгкое! Это что за разнообразие такое? Ну да, конечно, я куда сильнее буду, чем моя напарница, которая, мне кажется, и граблями-то управлять не умеет.

– Зато научишься дворской жизни, а что насчёт парней? Последний раз ты говорила мне, что недовольна ими, почему?

– Тоже самое. Как не обед и я не прихожу отдыхать, так они постоянно сидят в коморке! Сука, я не понимаю, им реально работы не дают или дают на пять минут? Тогда дайте мне работу парней, я тоже справлюсь хорошо. Один волосы отрастил, как женщина, другие двое и вовсе, мне кажется, не научены какой-то жизни.

– Да ладно тебе, вопрос времени ещё. Тебе надо будет с ними работать целый месяц, не забывай.

– Жалко, что зарплату не дают за большой труд, я там пашу всех их вместе взятых. Работнички тоже.

– Прикинь, тебе заплатят больше их всех! – посмеялась она, скрестив руки на груди. – Я уверена, директор смотрит в окно и просто рад от твоей работы!

– Ага, очень сильно. Как я узнала от матери, что мы будем работать прямо под окнами директора этого завода, то я думала, это миф какой-то, а оказывается, правда. Даже не сесть отдохнуть, пахать почти четыре часа до обеда.

Хоть работу и старались выдавать лёгкую для нас, то лишь костюмы рабочих и жилетки мешали. В них было как в адской бане, когда под палящим солнцем приходилось работать, так ещё и просили надевать кепку на случай, чтобы не получить солнечный удар. Каждый день уже на протяжении пяти дней мы работали под окнами директора, но самым больным для меня было сидеть и вырывать траву рядом с цветами. Эти розы, шипы, которые кололись мне в пальцы сквозь перчатки. Я помнила, как мои пальцы были все исколоты этими шипами, а кровь проливалась на каждую из этой розы, пока я работала с каменным лицом, не показывая признаков того, что мне больно.

Но я заметила, что работу тяжелее выдавали мне. Я была сначала недовольна этим, потому что понимала, что моей напарнице выдавали простое задание вырвать уже умершие цветы рядом с живыми, а мне буквально приходилось лазить в грязь и колоть себе пальцы и руки об шипы, или же таскать тяжёлое. Но после обида опустилась, когда я поняла, что такую работу выдают равно, ведь ей было уже пятнадцать, а значит, она оставалась до трёх дня, а я всего до часу.

Если смотреть на своих напарников-парней, то мне казалось, что они вовсе ничего не умеют. Я удивлялась, как в буквальном смысле могли принять на работу парня, у которого волосы были как у девушки длинные, или же другого, у которого казалось, он даже не видит сквозь свои пряди.

Я всегда порывалась что-то сказать в их сторону, но молчала, потому что не хотела наживать себе врагов, поэтому всё это выслушивала моя подруга, которая тоже вставляла свои шутки и фразы в сторону таких парней.

– Ну... Я не понимаю. – Снова сказала я, пока мы шли медленно дальше ближе к моему дому.

– Мне интересно, как они будут работать дальше, ну, по типу, что они вообще что-нибудь умеют?

– Деньги у мамы просить умеют, это точно, мне кажется, их мамы, устав от того, что сыночка просит денег, решили отдать на работу, пусть узнают хоть, каково это.

– Ты тоже впервые на работу пришла.

– Я хоть обучена многому из-за своей семьи, в которой мне приходится буквально выживать, а там, мне кажется, уже ничего не поможет, либо я не знаю, какую работу они выполняют, что почти постоянно сидят в коморке. – Огрызнувшись, я пожала плечами, поняв, что это прозвучало очень грубо с моих уст.

– Слушай, я переведу тему. А ты не встречалась со своей учительницей? Ты мне давно ничего не говорила об ней.

– Что? – я замерла, подняв свои брови и оборачиваясь к подруге на половину. – Нет, не встречались, последний раз был в середине июня, я даже не знаю.

– Ну, мне стоило просто спросить, я испугалась, что, возможно, что-то случилось.

– Ты решила за место меня начать что-то?

– Ну что ты, конечно нет, ты давно молчала об ней, и мне было интересно. – Подруга специально сделала немного грубый голос, решив проверить меня, и на меня это подействовало слишком сильно.

– Я попрошу не выражаться об ней в грубом ключе, или я вмажу тебе.

– Эй! Я просто проверила, как ты отреагируешь, я поняла уже, что на неё нельзя ни смотреть, ни говорить об ней плохого, я поняла. – Она подняла свои руки, делая шаги назад. – Ой, ну я побежала, всё, пока.

Я взглянула вслед своей подруге и двинулась к дому ближе, задумавшись, не грубо ли я сама обращаюсь к людям, которые пытаются осквернить её? Я казалась уже как хищник, что защищал свою собственность, и не хотелось бы казаться в глазах Марины Юрьевны слишком странно, ведь она бы не поняла, что я бы старалась донести до неё или пыталась бы.

Вернувшись домой, я передала пса матери, уходя в комнату, где, сев в кресло, сняла с себя грязную одежду, переодеваясь и после отдавая маме на стирку. Её отпуск должен был окончиться через три дня, и я была рада, что хотя бы во время обеда я смогу уходить к ней в цех, а не оставаться в коморке и просиживать всё время одна. Еду я не брала с собой, приходила уже после работы и ела, а вечером отказывалась от еды, что после стала ошибкой, ведь на утро сил уже не было, и казалось, я себя по кускам собирала во время обеда, ощущая, как адски болят ноги, поясница, живот, да вовсе всё тело.

Следом за адской болью в теле пришли и адские головные боли, что отдавали в левый глаз. При этой боли я буквально не могла существовать. Ни таблетки, ничего не помогало, и я пару раз, ощущая такую боль, думала вырвать себе глаз или лучше просто умереть, чем терпеть этот ад. Но даже сквозь всё это я всегда стояла стойко на ногах и не пищала, что мне больно. Я научилась скрывать всю свою боль в теле ещё с раннего детства, когда жаловалась матери на боль где-то, а она переводила всё на себя, говоря, что ей тоже больно и она только пришла с работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.